

ГИЛЬЕРМО ВАЛЕНСИА

*Перевод с испанского Сергея Гончаренко **

Читая Сильву

(фрагмент)

В кипенье тонких кружев и в пене пеньюара,
волнующе мерцавшей сквозь сумрак будуара,
на бархатно-багровой софе она лежала,
держа в руке, прозрачной точеного кристалла,
изящный томик горьких его стихотворений
в тисненном переплете из лондонской шагрени.
Изнеженные пальцы красавицы в печали
голландскую бумагу задумчиво ласкали,
где серебро виньеток и золото обреза
принадлежали кисти, достойной Апеллеса,
где в иней четких линий и в тайнопись узоров
причудливые грезы преобразил хризограф.
Там прописная буква над красною строкою
подкрадывалась к строчным серебряной змеею
и вензели заглавий улитками свивали
виток к витку тугие, блестящие спирали.
Над рыцарской поэмой висел, прямой отвеса,
клинок — со львицей вместо обычного эфеса
и с лезвием в насечке, где оживали мифы
в бойницах грузных башен и в грозном теле грифа.
Там рассекали профиль готической сеньоры
готической ограды чугунные узоры,
там подлинны страсти и нежные капризы —
любовь желанной Эльзы и пылкость Элоизы —
живописались в метрах, изысканных на диво:
то гибких, словно ветви колышущейся ивы,
то ясных, будто голос воды в речной излучке, —
когда в прозрачной мысли ни тени смутной муки...

* ГИЛЬЕРМО ВАЛЕНСИА — Стихи (*Перевод с испанского Сергея Гончаренко*)
// *Поэзия Колумбии* (М.: Художественная литература, 1991), 42–50.
Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

Там жизнь взახлеб рыдала, а смерть всю смеялась
и обрекала сердце на скуку и усталость,

и проходили дивных видений вереницы:
мелькала тень Киприды с лицом отроковицы,

не знающей мужчины, надменно-одинокой,
как девственная пена над суетой потока;

и вороненый локон пламенноокой русской,
и кисти над холстами в ее ладони узкой,

которая когда-то срывала в стылой зале
соцветия созвучий с певучего рояля,

а те летели в окна, как вспугнутая стая,
теряясь в лунном ветре и в черном свете тая...

Верблюды

Такова печаль...

Петер Альтенберг

Раздуты жадно ноздри... Пружинит сонно шея.
Мерцает зелень взгляда, горчащего полынью...
Под рыжим шелком шерсти на солнцепеке млея,
верблюды меряют шагом Нубийскую пустыню.

Внезапно, вскинув морду и поведя глазами,
размеренную поступь прервал двугорбый лоцман.
Текло в плавильне неба крутым расплавом пламя,
но он учуял струи подземного колодца.

Надгробьем над горбами — плита из лазурита,
в глаза навек запала тоска песка и сини,
как будто им открыли растресканные плиты
заветный иероглиф загадочной пустыни.

Когда ж в ковры кочевий легла прохлада мрака
и закатилось солнце за выжженные дали,
под ликом черной девы, под чернью зодиака
они пошли, ступая, как призраки печали.

О побратимы скорби! Покачивались мерно
их выи, словно пальмы под ветром... И казалось,
что их угрюмый облик сплели во мгле химеры,
и сфинкс вдохнул им в очи предвечную усталость.

И Пирамиды, тайно влюбленные в унынье,
глядели, удивленно приникнув к горизонту,
как на хребте верблюжьем угрюмо брел в пустыне
в живое мясо вросший их треугольный контур.

Пыльцою золоченой молекулы бархана
порхали над шагами двугорбого провидца
и покрывалом, тоньше, чем пелена фонтана,
на раскаленной шерсти спешили притвориться.

Тоску всех одиночеств и траур всех печалей,
всю жажду и всю муку погибших караванов, —
все это до слезинки его глаза впитали,
в отчаянье пустыни, в песчаный омут канув.

Ни мирный шелест мирры, ни бархатные дали,
ни пальма, на барханы пролившаяся тенью,
не радуют скитальца... У короля печали
глаза полны тоскою, и нет ей исцеленья.

Пригубьте взор их горький, флейтисты Византии,
шлифующие дактиль под перезвоны в звеньях
цепей... Лишь он расскажет о муках летаргии
вселенной, изнемогшей без жаркой крови в венах!

Бродячие поэты, печальники пустыни
идут под грузом глыбы священного Искусства.
Повенчанные с Пальмой избранники Унынья,
лишь вы уймете жажду несбыточного чувства.

Когда сжигает жажда, что толку в мощной длани?
Тогда бессилен сильный и незаносчив гордый;
один поэт — оазис в песчаном океане:
пожар он гасит кровью из собственной аорты.

Они прошли и скрылись за полосой тумана,
обдав меня дыханьем животворящей муки,
и не осталось даже следа от каравана
в зыбучих дюнах серой, сводящей скулы скуки.

И все же отыщу я два голубых колодца
с водою родниковой — глаза единовеца,
и взгляд его скорбящий живой струей прольется
мне на сухие губы и в жаждущее сердце.

И если в то мгновенье свершившегося чуда
меня увидит житель глухо-слепого мира,
то он, наверно, скажет, что повстречал верблюда,
глядящего в озера из чистого сапфира.

Белые аисты

Ciconia, pietatis cultrix.

*Petronio*¹

На колокольню пугливая стая
села, сложивши усталые крылья.
Сверху закатный костер, угасая,
сыпал золу позолоченной пылью.

Капали краски у Мага с палитры,
густо сляясь в фиолетовой дали;
ветер, с лилового неба пролитый,
скручивал их в голубые спирали.

Эти неслыханно белые птицы
разбередили мне память, врываясь
в душу, в которой им не поселиться,
провозгласив позабытую радость.

Черные очи, росинки печали,
в белой оправе, как символ контраста;
красные клювы собой увенчали
шеи, отлитые из алебаstra.

Шея вливается в пенное устье
в профиль повернутого силуэта,
выгнутого иероглифом грусти
или конвульсией белого цвета.

Вылеплен из белизны баснословной,
напоминает застывшее пламя
аист, мерцающий в сумраке, словно
греза, поднявшая снежное знамя.

Если же рядом почудится злое,
взмлет он, клювом пространство тараня,
будто бы лук с розовой стрелой
в небе натянут невидимой дланью.

В плесках астрального блеска не тая,
светит печаль непонятная, где бы
ни пролетала усталая стая,
пьяная от полуночного неба...

¹ Аист, покровитель благочестия. *Петроний* (лат.).

Бывает...

Бывает, в сумраке вечернем
подступит к горлу тишина,
но напряженная округа
под стать пружине взведена.

Сосредоточенно предметы
прощальный впитывают свет,
и над часовней врезан в небо
последней птицы силуэт.

А сумрак в ожиданье мрака
сожмет в упругую спираль
печаль, пронзившую навывлет
меланхолическую даль.

Как будто оком вечерний,
готовясь встретить темноту,
в сосуд пространства нагнетает
всю боль свою и доброту.

И в эту пору приобщенья
к почти что зримой тишине
звездой проклюнется внезапно
такой же вечер и во мне.

В нем аромат цветов нездешних
струирует потусторонний сад
и пахнет детством и весной,
стоявшей жизнь тому назад.

Существование из существительных

Крестины. Школа. Университет. Диплом.
Нужда. Долги. И суд. Скандал — залог успеха.
Кандидатура. Пост. Существенная вежа:
вояжи. Лондон. Рим. Париж. И снова дом.

Невеста. Обрученье. Роды. Дочь. Потом —
пеленки. Школа. Свет. Уже жених. Потеха!
Медовый месяц. Ревность. Сцены. Не до смеха.
Внук. Школа. Университет. Опять диплом.

Вдруг — старость. Немоци. Бессонница. Облатки.
Пилюли. Капли. Мази. Слепота. Припадки.
И — одиночество. И — ни души окрест.

Удар. Могила. Плач. Поминки. Даже пресса.
Улыбки. Смех. Прогулка до собора. Месса.
Могильная плита. Крапива. Точка. Крест.

Новый Год

Сегодня — белый вечер. Сегодня — белый ветер
с морозным воркованьем стеклянных голубей.
И сметена холодной метели добродетель
девичьим смехом. Эхом, звенящим все слышней.

Сегодня — белый вечер. Сегодня нет на свете,
на целом белом свете печалей и скорбей.
Пусть мирозданье в душу звездой Полярной светит,
но все равно созвездье девичьих глаз светлей.

Сегодня белый вечер. И в полночь каравеллы
из лепестков лимона поднимут парус белый,
озвучив снежной песней дремотный сонм светил!

Сложив покорно крылья, готовые разбиться,
летят из поднебесья светящиеся птицы,
и хлещет белый ливень пургою снежных крыл.

Комментарии

ГИЛЬЕРМО ВАЛЕНСИА (GUILLERMO VALENCIA, 1873—1943). Крупнейший представитель колумбийского модернизма, преемник Хосе Асунсьона Сильвы. Выходец из аристократической семьи, он сделал блестящую карьеру и дважды выдвигался кандидатом на пост президента страны. В поэзии исповедовал культ камерной эстетики, стремясь к абсолютному совершенству отточенной формы и изысканной музыкальности стиха. Автор книги «Стихотворения» (1898). Был также виртуозным мастером поэтической интерпретации. В сборниках «Обряды» (1914) и «Китай» (1928)^А собраны его лучшие переводы из европейских и китайских поэтов.

Читая Сильву

Хризограф — мастер хризографии, искусства писать и раскрашивать золотом.

Верблюды

Петер Альтенберг (наст. имя и фам. Рихард Энглендер; 1859—1919) — австрийский писатель-импрессионист.

^А Переводы в сборнике «*Катай*» (*Catay*. Bogotá, 1929) сделаны не с языка оригинала, а с французской версии (*La flûte de jade: Poesies chinoise*, traduit de Franz Toussaint. Paris, Editions d'art H. Piazza, 1922).

Для названия сборника использовано не современное испанское China, а устаревшее Catay. Слово «Катай» вошло в европейские языки в средние века из «*Книги*» (1298) Марко Поло. (*Прим. автора электронной версии.*)